

УДК 2-762

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

Священник Николай Николаевич Киреев
кандидат экономических наук, научный
сотрудник Тамбовской духовной
семинарии, магистрант направления
подготовки «Теология», профиль
«Русская духовная словесность»
E-mail: okolianka@mail.ru

Для цитирования: Киреев, Н.Н., священник. Лингвокультурологические аспекты миссионерской деятельности святителя Николая Японского // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 171–181.

Аннотация

Статья посвящена исследованию лингвокультурологических аспектов миссионерского служения архиепископа Николая (Касаткина) за время его пребывания в качестве руководителя Российской духовной миссии в Японии. Переводы текстов Священного Писания на язык обращаемого народа были главной задачей его миссионерского служения. Автор приходит к выводу, что переводы, осуществленные святителем, имеют научно-богословское и церковно-практическое значение.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Российская духовная миссия в Японии; святитель Николай Японский; миссионерская деятельность; перевод Священного Писания.

Одним из мало исследованных аспектов феномена русского православного миссионерства за рубежом является переводческая деятельность богослужения и священных текстов на язык обращаемого народа. Основной проблемой такого перевода является способность миссионера найти в новой культурной среде действенные

филологические средства для органичного усвоения туземцами начал новой веры.

Среди выдающихся переводчиков, чья деятельность связана с русской духовной миссией в Японии, особое место занимает архиепископ Николай (Касаткин), святитель Японский. Более 40 лет своей жизни он посвятил изучению культуры и языка японского народа, а результатом его переводческой деятельности стало создание 30-тысячной православной общины христиан-японцев в более чем 200 приходах. При нем в Японии было построено 182 храма (в том числе 8 соборов), открыта духовная семинария, женские школы, катехизаторское училище, издавалось 4 журнала, создано общество японцев-переводчиков для ознакомления японцев с русской литературой. Святитель Николай любил читать и знакомить свою паству с русской литературой, так как, по его глубокому убеждению, знание русской литературы важно для изучения культуры России. Благодаря трудам святителя Николая японцы открыли для себя мир русской литературы XIX века (А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и др.) [1].

Святитель Николай при переводе русских авторов на японский язык применил лингвистические средства для последовательного соединения православного христианского вероучения с самобытной культурой японского народа с целью как можно более полного и скорого переноса догматических основ христианской веры в среду традиционного японского мировосприятия. Такой «культурный перевод» и переводческая деятельность в целом стали основным методом миссионерского служения святителя Николая.

Миссионерский перевод святителя, с лингвистической точки зрения, требовал решения задачи непрерывного и глубокого синтеза абсолютно несовпадающих географически и исторически друг с другом традиций библейско-христианской, национально-русской, национально-японской, конфуцианской и дальневосточной культуры. Такое сочетание религиозных и культурно-исторических смыслов христианской культуры в языковой среде японского народа обрело жизнь, как части их духовной традиции.

Сложностью изучения японского литературного языка и перевода на него является двусоставность: в нем природный японский и китайский языки сочетаются между собой, но не соединяются в одно целое. Разговорный японский включает множество родов,

китайских диалектов и вульгарной речи, в которые вплетаются китайские односложные слова. Разные способы письма, фонетические знаки, грамматические конструкции, совершенно не похожие одна на другую, сочетание форм, знаков, требующих детального и порой инстинктивного погружения в обороты разговорной и письменной речи [2].

Святитель Николай, приступая к изучению японского языка, понимал, что овладеть навыками японской и китайской письменности ему удастся только через детальное изучение и погружение в культуру и историю страны. И на это было потрачено много времени и труда, начиная с изучения азов японского языка в школе вместе с японскими детьми за одной партой. В дальнейшем архипастырь смог самостоятельно читать средневековую буддийскую литературу, недоступную для большинства японцев.

В глубоко самобытной духовной традиции Дальнего Востока святителю Николаю приходилось не только досконально изучать особенности японского и китайского языков, но знакомиться с историческими памятниками конфуцианской, буддийской и японской литературы. Находясь в среде восточной культуры, он понимал, что для верного понимания японского духа недостаточно изучение лишь одних внешних приемов и особенностей – следует уделить внимание изучению духовной литературы в ее историческом развитии. Вот как описывает святитель один из обычных этапов переводческого труда: «Употреблены все меры ясно уразуметь и выразить текст; пред нами были: три греческих текста, два латинских, славянский, русский, английский, французский, немецкий, три китайских, японский, толкования на русском и английском, все лексиконы – каждый день, почти каждый час, приходилось копаться во всем этом» [3, с. 417]. Это требовало от переводчика-миссионера наличия хорошего богословского и исторического образования и духовной интуиции.

С лингвистической точки зрения, перед миссионером-переводчиком стояла задача ввести в языковую среду новые лексические единицы, которые бы начинали жить своей жизнью в языковой и культурной среде японского народа. Результатом обширной переводческой деятельности, сопряженной с лингвистическими исследованиями, требующими весьма высокого интеллектуального уровня, стало появление новой лингвокультурной среды, которая

обогащала духовный опыт просвещаемого народа. Миссионер-переводчик выступал посредником между различными культурными традициями, объединяя их, чтобы, погружившись в новую для него языковую стихию, познать и прочувствовать мироощущение другого народа.

Благодаря работе русской миссии и ее бессменного руководителя японской культуре эпохи Мэйдзи стал доступен значительный корпус текстов православной традиции, восходящей к древней традиции христианского Востока. Эти тексты (гимнографические, догматические, проповеднические, дидактические) не являются простой суммой различных по происхождению и функциональности сочинений, их вероучительное и культурно-историческое единство обусловило их интертекстуальность, они насквозь пронизаны цитатами и аллюзиями, источником большинства из которых является Священное Писание. Интертекстуальность – один из факторов, влияющих на выбор исходного текста при миссионерском переводе [5] и усложняющих задачи переводчиков. Возникает «проблема корректной репрезентации интертекста» [2]: все тексты должны быть переведены как единый документ («гипертекст»), в противном случае в его бытовании будет утрачено очень важное качество – полнота, то есть утратится представление о единстве Священного Писания и Священного Предания. В случае, когда перевод осуществляется с различных по языку источников (а иногда это неизбежно), возникают серьезные лексические и смысловые несовпадения.

«Натурально желается, чтобы японец всякое слово Священного Писания, вошедшее в богослужение, нашел и собственными глазами видел в Библии; японцы же так охочи до того, и пытливость эта так законна», – отмечал святитель Николай [8, с. 117]. Иными словами, определенные фрагменты Библии, включенные в текст богослужения, переведенный с церковнославянского, не совпадают с теми же фрагментами в тексте Библии, переведенной с английского или русского. Между тем именно опора на библейский текст определяет глубину текста богослужения, его включенность в традицию. Несовпадение текстов приводит к разрыву единого смыслового поля, и технические, казалось бы, сложности перевода вызывают серьезные богословские и культурные («японцы охочи») проблемы.

Неоднократные затруднения при выборе исходного текста ставят миссионера-переводчика перед проблемой перевода богослужебных текстов на русский язык: славянский текст не расшифровывается, неясен. Об этом святитель писал: «Ныне идет 4-ая глава Октоиха; переводится целиком все, что есть в славянском тексте. И вот тут-то видишь, как необходим перевод богослужения на русский или, по крайней мере, – приведение славянского текста в удобопонятный вид. Иногда над одним стихом простоишь полчаса и более, чтоб только уразуметь смысл его...» [8, с. 56]. Проблема перевода Священного Писания и текста богослужения на русский язык не была специфически церковной, она была связана со многими явлениями русской общественной и культурной жизни начала и середины XIX века, и до наших дней является предметом острого обсуждения в церковных и внецерковных кругах [6, 7]. Объективная связь проблематики иноязычных и русских переводов православных текстов в миссионерской практике подтверждается причастностью ряда выдающихся миссионеров к общественной и церковной полемике по вопросу русской Библии.

Существенным филологическим аспектом миссионерской деятельности для святителя Николая был выбор языка перевода текстов Священного Писания. Этим языком для архипастыря и его помощников-миссионеров стал на тот момент официальный письменный литературный язык «бунго». Язык японского дворянства и самураев «бунго» вбирал в себя китайскую лексику и грамматику, что затрудняло понимание его для людей низших сословий. Однако этим святителю Николаю удалось удержать высокую планку языка перевода, дабы всячески избежать вульгарности и какого-либо просторечия. Несмотря на то что в области понимания текстов между образованными сословиями и простонародьем был весьма большой разрыв, в XX веке именно «бунго» стал языком православного богослужения в Японии.

В среде традиционной дальневосточной культуры перед миссионером-переводчиком стоит задача выбора лексики, необходимой для точного выражения богословских понятий, так как ошибочно выбранный словарный состав языка может неверно сориентировать новообращенных и привести к невозможности найти различия между конфуцианскими, буддистскими, синтоистскими и христианскими понятиями. Например, святитель Николай вся-

чески старался избегать таких слов, как: «дао» или «мити» при переводе слова «путь».

Однако если избегать использования уже имеющихся в языке лексем, перед переводчиком встанет непростая задача: либо в тексте прибегать к истолкованию и пояснению различных понятий, что, несомненно, может исказить исходный текст; либо обогащать словарный состав языка неологизмами, для более точной передачи смысла переводимого.

Чтобы достичь высокого качества переводимого текста, архиепископу Николаю приходилось активно привлекать к этой работе наиболее образованных японских переводчиков. Для проведения такой колоссальной работы необходим был сплоченный доверительный коллектив, так как качественный перевод текста требовал нескольких кругов проверки, а наиболее сложные места перевода – неоднократного уточнения и самого придирчивого исследования. Особое внимание уделялось семантическому единообразию переводимого слова в разных местах текста.

Однако несмотря на штат помощников, основная нагрузка по переводу текста ложилась на святителя Николая, так как он, обладая широким кругозором и академическим образованием, владея церковно-славянским, греческим, китайским, японским и основными европейскими языками, мог целостно видеть смысл переводимого текста [4, с. 95].

Результатом такой сложной лексикологической работы над переводом текста стал разработанный святителем Николаем на японском языке «Православный Богословский словарь», имеющий огромное научное, богословское и церковно-практическое значение.

Благодаря работе русской миссии для японцев стали доступны на родном языке гимнографические, догматические, проповеднические, дидактические тексты христианского Востока, пронизанные ссылками и цитатами Священного Писания, которые по своему происхождению и функциональности имеют вероучительное и культурно-историческое значение.

Переводы текстов Священного Писания и богослужебной литературы продолжались практически ежедневно около 40 лет: с 1871 года – официальный год основания Русской духовной миссии в Японии, по 1912 – год кончины архиепископа Николая. За это время на японский язык был полностью переведен Новый За-

вет, часть книг Ветхого Завета, включая Псалтырь и все тексты Ветхого Завета, используемые за богослужением. Из богослужебной литературы были переведены на японский язык Служебник, Требник, Часослов, Октоих, Постная и Цветная Триоди, Общая и Праздничная Минеи, Ирмологий [9].

Высокий уровень перевода Русской духовной миссией священных и богослужебных текстов на японский язык признавался представителями других христианских конфессий, открывших в то время в изобилии свои миссии в Японии. Выход в свет новых публикаций русского перевода с нетерпением ждали представители протестантских и католических церквей. Святитель Николай также проявлял интерес к переводам текстов Священного Писания других конфессий, поддерживая дружеские отношения с переводчиками как в стране восходящего солнца, так и в других странах Дальнего Востока.

За все это время успех Русской духовной миссии в Японии, несмотря на тяжелые условия и малое число помощников, стал возможен благодаря поддержке самих японцев, учеников святителя Николая Японского – проповедников, катехизаторов, учителей и священников. Современники свидетельствовали: «Святитель Николай желал, чтобы японцы сами создали свой духовный мир. <...> Нет сомнения в том, что широкая публика вокруг новоучрежденного им православного присутствия находилась под влиянием его духовности. Это влияние не было ограничено узкой сферой, но распространилось во всем японском обществе, где оно сохраняется и по сей день» [10, с. 231].

Миссионерские переводы, осуществленные святителем Николаем за время его служения, – бесценный опыт и богатое культурное наследие, оставленное им Японии. Исключительность переводческих трудов святителя Николая обусловлена, с одной стороны, особенностями японской культуры, с другой стороны – свойствами личности миссионера: аскетизмом, чрезвычайной требовательностью к себе, собранностью и невероятной работоспособностью, которые сочетались с высокой образованностью, склонностью к научной деятельности и ярким литературным талантом.

Таким образом, даже краткий лингвокультурологический анализ миссионерских переводов святителя Николая Японского по-

звояет сделать вывод о том, что японскому архипастырю удалось найти необходимые филологические средства для того, чтобы в непростой культурной традиции японского народа посеять семя, которое, по слову Спасителя, «упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13, 8).

Проповедь святителя Николая Японского – уникальный пример успешного миссионерского служения, основанного на созидательной энергии самого японского народа. В поиске новых языковых единиц, в стремлении облечь в новую форму существовавшие прежде в иной культурной традиции смыслы, миссионерский перевод являет себя в качестве творческой, культуросозидающей формы деятельности.

Список литературы

1. *Акимова, А.С.* Святитель Николай Японский и Ф.М. Достоевский: исторические факты и их эпистолярные интерпретации / А.С. Акимова // Филологический журнал. – 2011. – № 1 (18). – С. 4–6.
2. *Вишнякова, О.Д.* Интертекстуальные включения в когнитивно-прагматическом и переводческом аспектах / О.Д. Вишнякова, Ю.А. Панькина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 71–80.
3. Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 3 / сост. К. Накамура. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2004. – 896 с.
4. *Карташева, Н.В.* Культурологические аспекты миссионерских переводов святителя Николая Японского / Н.В. Карташева // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 90–103.
5. *Кошелева, Т.И.* Интертекстуальность в религиозном дискурсе / Т.И. Кошелева // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – Вып. 47. – С. 75–77.
6. *Кравецкий, А.Г.* История церковнославянского языка в России : конец XIX–XX в. / А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : Языки рус. культуры, 2001. – 398 с.

7. *Лихачев, Д.С.* Русский язык в богослужении и в богословской мысли / Д.С. Лихачев // Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви : сборник / сост. Н. Каверин. – Москва : Рус. Хронографъ, 2012. – 288 с.

8. *Николай Японский, свт.* Видна Божия воля просветить Японию : сб. писем / святитель Николай Японский ; ред.-сост. Г.Г. Гуличкина. – Москва : Изд-во Срет. мон-ря, 2009. – 336 с.

9. *Потапов, А.В.* Переводческая деятельность святого равноапостольного Николая, архиепископа Японского / А.В. Потапов // Духовное наследие равноапостольного Николая Японского : к столетию преставления : сб. тр. науч. конф. – Москва, 2012. – С. 152–160.

10. *Ушимару, П.Я., прот.* Японское православие и культура периода «Мэйдзи» / протоиерей Прокл Ясуо Ушимару // Тысячелетие Крещения Руси : материалы Междунар. церков.-ист. конф. Киев, 21–23 июля 1986 г. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 1988. – С. 225–232.

UDC 2-762

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF THE MISSIONARY ACTIVITIES OF SAINT NICHOLAS OF JAPAN

Nikolai N. Kireev, Priest
PhD in Economics,
Research Fellow
Tambov Theological Seminary
Master's degree student
Area of study «Theology»
Major «Russian Spiritual Literature»
E-mail: okolianka@mail.ru

For citation: *Kireev, N.N., priest.* Linguistic and cultural aspects of the missionary activities of Saint Nicholas of Japan // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 171–181. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the study of linguistic and cultural aspects of the missionary service of Archbishop Nicholas (Kasatkin) during his stay as the Primate of the Russian spiritual mission in Japan. The translation of the texts of the Holy Scriptures into the language of the converted people was for Saint Nicholas the main task of missionary service. The author comes to the conclusion that the translations made by the Saint have scientific and theological and Church-practical significance.

Keywords: Russian Orthodox Church; Russian Spiritual Mission in Japan; Saint Nicholas of Japan; missionary activity; translation of the Holy Scriptures.

References

1. *Akimova, A.S.* Svyatitel' Nikolai Yaponsky i A.M. Dostoevsky: istoricheskie fakty i ikh epistilyarnye interpretatsii [Saint Nicholas of Japan and F. M. Dostoevsky: historical facts and their epistolary interpretations]. // *Philological journal*. 2011, no. 1 (18), pp. 4–6. (in Russian)
2. *Vishnyakova, O.D.*, Intertekstual'nye vklyucheniya v kognitivno-pragmaticheskom i perevodcheskom aspektakh [Intertextual inclusions in cognitive-pragmatic and translation aspects]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*. 2014, no. 4, pp. 71–80. (in Russian)
3. *Dnevniky svyatogo Nikolaya Yaponskogo* [Diaries of St. Nicholas of Japan]. in 5 vols., vol. 3. / comp. K. Nakamura. – St. Petersburg. : Hyperion, 2004, vol. 3. – 896 p. (in Russian)
4. *Kartasheva, N.V.* Kul'turologicheskie aspekty missionerskikh perevodov svyatitelya Nikolaya Yaponskogo [Cultural aspects of missionary translations of St. Nicholas of Japan]. // *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*. 2017, no. 1, pp. 90–103. (in Russian)
5. *Kosheleva, T.I.* Intertekstual'nost' v religioznom diskurse [Intertextuality in religious discourse]. // *Bulletin of Novgorod State University named after Yaroslav The Wise*, issue 47, 2008, pp. 75–77. (in Russian)
6. *Kravetsky, A.G., Pletneva A.A.* Istoriya tserkovno-slavyanskogo yazyka v Rossii : konets 19 – 20 v. [History of the Church Slavonic

language in Russia : the end of the 19th – 20th centuries]. Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov. Moscow: Languages of Russian culture, 2001. 398 p. (in Russian)

7. *Likhachev, D.S.* Russkii yazyk v bogoslužhenii i v bogoslovskoi mysli [Russian language in the service and in the theological thought]. // Church Slavonic language in the service of the Russian Orthodox Church: Collection / Comp. N. Kaverin. Moscow: Russian Chronograph, 2012. 288 p. (in Russian)

8. *Saint Nicholas of Japan.* Vidna Bozhiya volya prosvyatit' Yaponiyu : sbornik pisem [God's will to enlighten Japan is visible: collection of letters]. / Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2009, 336 p. (in Russian)

9. *Potapov, A.V.* Perevodcheskaya deyatel'nost' svyatogo ravnoapostol'nogo Nikolaya, arkhiepiskopa Yaponskogo [Translation activity of St. Nicholas, Archbishop of Japan]. Spiritual heritage of Nicholas of Japan: the centenary of the repose of: proceedings of the scientific conference. Moscow, 2012, pp. 152–160. (in Russian)

10. *Yasuo Ushimaru, archpriest.* Yaponskoe pravoslavie i kul'tura perioda «Meidzi» [Japanese Orthodoxy and culture of the Meiji period]. // Millennium of the Baptism of Russia. Proceedings of the International Church-historical conference. Kiev. July 21–23, 1986. – Moscow: Moscow Patriarchate Publishing House, 1988, pp. 225–232. (in Russian)